

Это не значит, что грамматическое предложение не имеет своего логического смысла. Такое понимание сводило бы синтаксис на какую-то сплошную иррациональность. Нет, каждое грамматическое предложение, конечно, имеет свой логический смысл. Но какой это смысл? Это вовсе не та сфера смысла, которой оперирует чисто формальная логика. Это своя собственная и своя особенная, а именно языковая, логика, языковой смысл и языковое мышление. И в чем его особенность? А об этом мы уже достаточно говорили выше.

От чистого мышления языковое мышление отличается тем, что оно является каждый раз не чистым мышлением в понятиях, но тем или иным пониманием этого мыслительного процесса, тем или иным его преломлением и конкретизацией, тем или иным его воплощением в целях обозначения вещей и общения между людьми, или, вообще говоря, той или иной его *интерпретацией*. Но вещей и их свойств бесконечное количество, следовательно, и мышление о вещах тоже бесконечно. А потому и языковой знак как акт мысли тоже бесконечен, но его бесконечность особого типа и гораздо более конкретная.

До сих мы говорили о языковой интерпретации в самостоятельном смысле слова и независимо от разных уровней языка. Однако очень важным и весьма интересным языковым явлением оказывается то, что отдельные языковые элементы, будучи самостоятельной интерпретацией и абсолютной действительности и отражающего ее чистого мышления, настолько близко и органически вливаются в общую стихию языка, что оказываются не только повсеместным языковым явлением, но и вполне специфическим для отдельных *уровней языка*.

У нас обычно говорят о предикации только в отношении грамматического предложения. Но без этой предикации в языке вообще ничего не обходится, поскольку языковой знак всегда есть акт человеческого сознания и мышления, а сознание и мышление по самому своему существу не могут обходиться без процессов предикации.

Что такое, например, фонема и какое ее отличие от аффикса? Установить, что данный звуковой комплекс, входящий в слово, есть его аффикс, мы можем только при помощи сравнения этого звукового комплекса в разных словах. Если аффикс, или в данном случае префикс, есть, например, *in* или *de* или *sub* (*con*), то достаточно сравнить какой-нибудь десяток или два десятка слов с подобного рода префиксами, как уже становится ясным, что эти звуковые комплексы представляют собой нечто самостоятельное и достойное самостоятельной фиксации. В этом смысле такого рода звуковые комплексы мы и считаем самостоятельно зафиксированными в тех или других словах, почему и называем их аффиксами. Однако ясно, что всякий такой аффикс берется вне всякой своей значимости и в самостоятельном виде и в том виде, как он входит в то или иное слово. А ведь он обязательно имеет свое собственное значение, уже далеко выходящее за пределы значения отдельных составляющих его звуков. Чтобы аффикс играл свою семантическую роль в составе слова, мы должны приписать ему то или иное значение, уже не просто звуковое.

Но приписать какое-нибудь значение чему-нибудь — это и значит предиктировать данное значение в отношении того или иного физического предмета и в данном случае в отношении асемантически данного аффикса. Такой аффикс, получивший свою семантику, входящую в семантику цельного слова, мы и называем уже не аффиксом, но фонемой или морфемой. То же самое необходимо сказать и о том комплексе морфем, который представляет собою цельное слово, потому что в каждом слове мы тоже предиклируем то или иное его значение в отношении составляющих его звуков или слогов. То же самое, очевидно, необходимо сказать и о любом словосочетании. И наконец, то же самое необходимо сказать и о предложении, где впервые предиктирование разворачивается в полной